

История Церкви

УДК 930.1(47)

Д. А. Щербаков

Русская Правда как исторический источник по вопросу о степени укорененности христианских воззрений в правосознании населения Киевской Руси

Статья посвящена проблеме источниковедческой оценки Русской Правды в качестве первоисточника знаний по вопросу о степени укорененности христианских воззрений в правосознании жителей Киевской Руси. Автор выявляет несоответствия содержания Русской Правды идеалам христианского учения. Дается объяснение этих противоречий. На основе сравнения с другими древнерусскими произведениями делается вывод о том, что Русская Правда являет нам вполне достоверную, но далеко не полную картину, характеризующую правовое сознание населения Киевской Руси.

Ключевые слова: Русская Правда, Киевская Русь, история, правосознание, первоисточник, документ, христианство.

Проникновение в сознание людей ушедших веков – важнейшая задача историков. Это путь для постижения причин и самой сути исторических событий. Для историка совершить открытие – это значит узнать и понять мысли людей, историю которых мы изучаем, проникнуть в их невидимый внутренний мир [4, с. 204]. Для этого нужно заново продумать эти прошлые мысли, вживаясь в самосознание людей ушедшей эпохи. Один из способов это сделать – читать древний текст и думать вместе с его автором. Важнейшими первоисточниками для изучения мировоззрения и, в частности, правового самосознания людей древних эпох являются своды законов,

служащие памятниками юридической мысли. Древние своды законов служат путем проникновения в самосознание наших далеких предков.

Древние государства и их законы возникали на основе религии и освящались религией. Но на Руси было не так. Закон Русский, записанный по воле христианина князя Ярослава и дополненный его приемниками, являет нам обычное право язычников, руководствуемое чисто мирскими земными интересами, причем преимущественно интересами высшего властительного слоя общества. В самом тексте нет указания на данность свыше или освященность свыше Закона Русского, – он, что называется – мирского происхождения. «В русском законе отразился быт, сложившийся в русских торговых городах IX–XI вв. Он имел отдаленные корни в народных языческих обычаях варяжских и славянских» [3, с. 211]. Для контраста можно вспомнить хотя бы Тору евреев, Законы Ману Древней Индии, шариат и фикх мусульман Арабского халифата – в этих источниках прямо говорилось, что эти законы даны Богом.

Тем, кто хоть сколько-нибудь знаком с содержанием Русской Правды, бросается в глаза одна странность – явное несоответствие ее правовых норм и принципов идеалам христианского учения, которое, как можно предполагать, уже прочно укоренилось в сознании жителей Киевской Руси ко времени записи закона русского. По крайней мере, можно предполагать, что христианские идеалы утвердились к тому времени в сознании образованных людей, каким был и сам великий князь стольнокиевский Ярослав Мудрый, по чьей воле и состоялась запись закона русского.

Перечислим и назовем эти несоответствия. Во-первых, это закон о кровной мести, прямо противоречащий заповеди «не убий» и призыву не мстить за себя, ибо это – дело не людей, а Бога, сказавшего «Мне отмщение, Аз воздам». Закон о мести вообще противоречит учению о прощении и милосердии, учению о любви, не помнящей зла. Кровная месть предписывается самым первым законом Русской Правды, причем как Краткой, так и Пространной редакции свода:

«Аже убить мужь мужа, то мьстити брату брата, любо отцю, ли сыну, любо братучадо, ли братню сынови; аще ли не будеть кто его мьстя, то положити за голову 80 гривен, аче будеть княжь моужь или тиуна княжа; аще ли будеть русин, или гридь, любо купець, любо тивун бояреск, любо мечник, любо изгой, ли словенин, то 40 гривен положити за нь» [8, с. 9].

Во-вторых, в Русской Правде содержатся законы, закреплявшие рабство и социальную несправедливость, тогда как христианство учит равенству и свободе, братству и любви («не делайтесь рабами человеков» (1 Кор. 7:23), «нет раба, ни свободного» (Гал. 3:28)). Вот примеры таких законов из Русской Правды Пространной редакции: «3. Если кто убьет княжого мужа в драке, а убийцу не ищут, то виру – 80 гривен – платит та община, в округе которой поднят убитый. Если же будет убит простой человек, то община платит 40 гривен». <...> «11. За убийство княжеского слуги, конюха или повара брать 40 гривен. 12. За княжого приказчика или конюшого – 80 гривен. <...> 14. А за рядовича 5 гривен. 15. За ремесленника и ремесленницу брать 12 гривен. 16. За смерда и за холопа – 5 гривен, за рабу – 6 гривен. 17. А за кормилца 12, тако же и за кормилицу, хотя си буди холоп, хотя си роба. <...> 33. Если кто сядет на чужого коня без спросу, платить 3 гривны» [8, с. 9–12]. Как мы видим из этих примеров, жизнь людей разного социального положения охранялась, а значит, и ценилась по-разному, по-разному наказывалось убийство этих «дешевых и дорогих» людей. Такая вот, весьма своеобразная справедливость была в то время – «цена» жизни человека зависела от его «полезности» для князя. За жизнь боярина, огнищанина (дворецкого), старшего конюшого, тиуна (приказчика) платили «двойную виру» – штраф в 80 гривен, за простого свободного человека – 40 гривен, за ремесленника и рабу-кормилицу, кормящую княжеских сыновей, платили 12 гривен, а за простого смерда (крестьянина) и холопа (раба) – всего 5 гривен – в 16 раз меньше, чем за старшего дружинника, и в 8 раз меньше, чем за жизнь свободного горожанина. При этом преступление, когда садились без спросу на чужого коня, каралось

штрафом в 3 гривны – почти как за жизнь смерда – землепашца или холопа, то есть раба.

В-третьих, Русская Правда не содержит никаких законов о защите Церкви, что странно для средневекового христианского государства, тогда как, для сравнения, например уже в Судебнике Ивана III 1497 года говорится, что «церковному татю <...> живота не дати, казнити его смертною казнию», а в Соборном Уложении царя Алексея Михайловича 1649 года уже целая глава, и причем первая, посвящена этому: «О богохулниках и о церковных мятежниках а в ней 9 статей» [8, с. 35, 49]. Вряд ли это можно объяснить ожесточением людей более поздних времен и особой кротостью киевлян XI века.

Несоответствие содержания Русской Правды христианскому учению тем более странно на фоне идей и мыслей, высказанных митрополитом Иларионом в его «Слове о Законе и Благодати». В этом горячем и торжественном сочинении Ярослав Мудрый предстает как верный и достойный продолжатель дел своего великого отца – святого равноапостольного великого князя Владимира Святославича, крестившего Русь. Так, Иларион пишет: «Доброе весьма и верное свидетельство – сын твой Георгий. Его ведь сотворил Господь наместником тебе, твоему владычеству, не рушащим твоих уставов, но утверждающим, не умаляющим твоего благоверия сокровищ, но более их умножающим, не говорящим, но свершающим, что недокончено тобою, кончающим как Соломон – дела Давидовы» [6, с. 189–191].

При Ярославе Мудром в Киеве и Новгороде были заложены и построены величественные каменные храмы – Софийские соборы, как бы символизирующие своими массивными стенами, самим своим существованием, столь внушительным и осязаемым, крепость христианства на Руси. Кроме многочисленных храмов, при Ярославе Мудром создавались школы и библиотеки, возникали монастыри, переводились, переписывались и распространялись книги, в первую очередь книги Священного Писания, развивалось иконописание.

И вот именно на этом фоне мы осознаем диссонанс содержания Русской Правды с духом той эпохи утверждения христианства на Руси (разумеется, с духом в том смысле, как мы его себе представляем сейчас). В чем же дело? Может быть, мы просто находимся в плену устоявшегося стереотипа, идеализирующего времена расцвета Киевской Руси – этого «идеального острова» русской истории [1, с. 71]? А может быть, неверна и рационалистическая теория Гегеля, по которой государства возникают на основе религии. Представляется, что в ходе выяснения истинных причин указанных несоответствий можно получить ответ и на основной вопрос данного исследования: можно ли считать Русскую Правду историческим первоисточником, проливающим свет на проблему влияния христианства на мировоззрение первых поколений русских христиан и на то, в какой мере можно рассматривать Русскую Правду в качестве первоисточника исторических знаний о степени укорененности христианских воззрений в правосознании населения Киевской Руси.

Итак, обратимся к данным. Текст Русской Правды, на первый взгляд, не содержит христианских идей и понятий. «В ней едва мерцает мысль о нравственной несправедливости; зато она тонко различает и точно определяет имущественные отношения» [3, с. 236]. Перед нами черствый свод законов, ценящий жизнь человека меньше имущества: «А иже между переореть любо перетес, то за обиду 12 гривне» – то есть «если распахнут полевою между или срубят межевой столб, то платить 12 гривен штрафа» [8, с. 7]. «А в княже борти 3 гривне, любо пожгут, любо изудрут», то есть «если сожгут княжескую борть или выкрадут пчел, то платить 3 гривны» [Там же, с. 7]. «А в смерде и в холопе 5 гривен» [Там же, с. 6]. Значит ли это, что христианское учение не успело оказать никакого влияния на мировоззрение, деятельность и общественные отношения населения Киевской Руси на момент составления этого текста? Разумеется, нет. Иначе бы не свергли идолов с капищ еще при Владимире Святославиче и не строили бы «на века» таких прекрасных храмов при нем и при сыне его Ярославе. Не было бы подвига святых Бориса и Глеба и вообще

всего того христианского преобразования жизни, о котором повествует летопись и «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона [2, с. 35–36]. «Повесть временных лет» подробно рассказывает об этом и о милосердии князя Владимира, о том, как он кормил народ: «повелел он всякому нищему и бедному приходить на княжий двор и брать все, что надобно, питье и пищу и из казны деньги. Устроил он и такое, сказав, что «немошные и больные не могут добратся до двора моего», приказал снарядить телеги и, наложив на них хлеба, мясо, рыбу, различные плоды, мед в бочках, а в других – квас, развозить по городу, спрашивая: «Где больной, нищий или кто не может ходить? И раздавали тем все необходимое». [7, с. 195]. То есть другие исторические источники – и вещественные, такие как храмы и церковная утварь, и письменные, такие как «Повесть временных лет» и «Слово о Законе и Благодати», – свидетельствуют о христианских мотивах дел людских в те далекие времена, а раз были дела, то мировоззрение, определяющее и направляющее человеческую деятельность и человеческие отношения, тоже было христианским.

Вместе с тем, как отмечалось ранее, не стоит и идеализировать социальную реальность того времени, представлять ее исключительно христианской по своему духу и строю, так же как и вообще не стоит идеализировать никакие времена и никакую социальную реальность, вообще ничто в этом мире. Пережитки язычества не просто долго еще сохранялись в жизни русского народа – они дошли и до нас и сплошь и рядом существуют в нашей современной жизни и даже в представлениях и поведении воцерковленных людей. Кроме этого, люди всегда остаются людьми – живыми, земными, из плоти и крови, каждый со своей животной природой, с природными потребностями и каждый со своими страстями.

Какие бы проповеди люди ни слушали и какие бы духовные книги ни читали, чисто земной, практический, мирской интерес остается важнейшим двигателем их поступков и распорядителем их отношений. Эти-то мирские интересы и послужили основой правовых норм и принципов закона русского. Однако мы вполне могли бы

ожидать хотя бы некоторых следов влияния христианского учения на этот закон. Ведь, во-первых, право всегда закрепляет самое основное в жизни людей, самые глубокие основы жизни, оно является квинтэссенцией всех общественных отношений и поэтому право является определенного рода «духовным портретом» социальной реальности своего времени. Отсюда – странно отсутствие в этом нашем портрете христианских элементов. А во-вторых, тогда была эпоха официальных государственных религий, которые, конечно, обуславливали и правосознание народа и все общественные отношения, и эти религии обычно отражались в праве и государственном строе, что, например, видно из тех же более поздних сводов законов русского государства или, тем более, как это было в мире ислама, где светское и духовное нераздельны, а право прямо вытекает из Корана. Мы вполне могли бы ожидать отражения христианского учения в нашем древнем праве, так как «Русская Церковь выступала как государство-образующая сила <...> духовное окормление государственной власти стало традицией с XI века» [5, с. 216].

Существует несколько тезисов для объяснения этого видимого отсутствия влияния церкви на русский закон XI века. Во-первых, можно полагать, что Русская Правда при Ярославе была «не написана, а записана», то есть явилась плодом не законотворчества этого христианского государя, а простой фиксации уже имевшихся с древних языческих времен правил и понятий. Так, В.О. Ключевский считал, что «закон русский, т.е. обычное право языческой Руси, и лег в основание «Русской Правды», был основным ее источником» [3, с. 210]. Он писал, что «Русская Правда» есть памятник собственно древнерусской кодификации, а не древнерусского законодательства» [Там же, с. 206]. Тот, кто читает Правду Русскую непредвзято, видимо поймет, что это так – история своей конкретикой и своими фактами здесь пересиливает всякий рационализм отвлеченного от реальности мышления. Во-вторых, для регламентации церковной жизни в нашей стране тогда имелся заимствованный у греков Номоканон – Кормчая книга и ее дополнения – «Извлечения из законов Моисе-

евых», Эклога и Прохирон. Поэтому в Русскую Правду, видимо, попало все то, что не регламентировалось сборниками церковного права, так сказать, дела чисто житейские – преимущественно нормы уголовного и гражданского права. Ключевский, например, вообще делает вывод, что Русская Правда является не особым самостоятельным судебником, а сборником дополнительных статей к Кормчей [Там же, с. 201]. Дела духовно-нравственного характера в то время судились по особым церковным законам [Там же, с. 223]. И в-третьих, мы замечаем тенденцию усиления церковного влияния на содержание государственных законов действительно в более поздние времена, а Русская Правда, как очень архаичный сборник в отношении отсутствия следов церковного влияния на содержание законов вполне похожа на Салическую правду древних франков.

Вместе с тем, подходя к проблеме с другой стороны, стоит отметить, что следы влияния православного духовенства на текст Русской Правды все же есть. Они замечаются именно по отсутствию фиксации некоторых языческих элементов правосудия в этом тексте. Глубоко изучавший данный памятник русского права Василий Осипович Ключевский обращает наше внимание на то, что «В «Русской Правде» нет и следа одной важной особенности древнерусского судебного процесса, одного из судебных доказательств – судебного поединка, поля. Между тем сохранились в древних источниках нашей истории следы, указывающие на то, что поле практиковалось как до «Русской Правды», так и так и долго после нее. <...> Почему «Правда» не знает этого важного судебного средства, к которому так любили прибегать в древних русских судах? Она знает его, но игнорирует, не хочет признавать» [Там же, с. 198]. Объяснение этого умолчания таково: «Духовенство наше настойчиво в продолжение веков восставало против судебного поединка как языческого остатка, обращалось даже к церковным наказаниям, чтобы вывести его из практики русских судов; но долго, едва ли не до конца XVI в., ее усилия оставались безуспешными. Итак,

замечается некоторая солидарность между «Русской Правдой» и юридическими понятиями древнерусского духовенства» [Там же].

В извлечении из законов Моисеевых также есть статья о ночном воровстве, прямо взятая из Библии, по которой если вора застанут на месте воровства ночью и убьют, то убьют его «как собаку» – то есть это убийство будет безнаказанным, а если же его свяжут и продержат до рассвета и люди успеют увидеть его связанным, но потом до суда этого вора все же убьют, то это будет вменяться как преступление с соответствующим наказанием. И эта правовая норма прямо попала в нашу «Правду»: «40. О татбе. Аже убьють кого у клети или у которое татбы, то убьють во пса место; аже ли и додержат света, то вести на княжь двор; оже ли убьють и, а уже будуть людие связана видели, то платити в томь 12 гривен» [8, с. 14]. Или видим такой вариант в «Правде» Краткой редакции: «Аще убьють татя на своем дворе, любо у клети, или у хлева, то той убит; аще ли до света держать, то вести его на княжь двор; а, оже ли убьють, а люди будуть видели связан, то платити в немь» [Там же, с. 7].

Есть в «Русской Правде» места также заимствованные из Эклоги и Прохирона. Например, закон о наказании за то, что если «кто поедет на чужом коне без спросу». В Византии это наказывалось тремя ударами плетью. Русь в те времена вообще не любила телесных наказаний, и поэтому, взяв для себя сам закон против такого правонарушения, у нас удары плетью заменили на штраф, но тоже в 3 гривны. Также есть заимствованный у греков закон о холопе, совершившем кражу на стороне и скрывшемся у своего хозяина. Подобно тому как это было определено у греков, по норме Русской Правды хозяин сам решает – выдать или не выдать потерпевшему такого раба, и в случае удержания его у себя, хозяину предписывается самому вернуть похищенное и уплатить за обиду.

Русская Правда «не знает» и смертной казни, хотя по другим источникам известно, что особо тяжкие преступления в то время карались смертью. Русская Правда не знает смертной казни потому,

что «христианский взгляд на человека не примирим с мыслью о смертной казни» и упомянутые нами «умолчания «Русской Правды» можно признать глухим протестом христианского юриста против старого языческого обычая или новомышленной жестокости» [3, с. 225–226].

Таким образом, мы видим, что Русская Правда, читаемая нами ныне, являет нам вполне верное, хотя и разбитое зеркало, в котором отразилось мировоззрение и правосознание населения Киевской Руси XI века. Документ, дошедший до нас через века, без прикрас показывает нам состояние древнерусского общества таким, каково оно было. Это было далекое от святости общество, в котором преобладали мирские интересы и сохранялись языческие обычаи прошлых поколений. Можно полагать, что в государственных законах того времени еще не проявились властно идеи неотмирного учения, которое вошло в русскую жизнь при княгине Ольге и князе Владимире. При этом все же следует считать, что степень укорененности христианских воззрений в правосознании Киевской Руси явно занижается поверхностным толкованием Русской Правды, и следует делать вывод о необходимости комплексного сравнительного подхода в оценке рассмотренного здесь исторического источника.

Литература:

1. Горский, В. Образ истории в «Слове о Законе и Благодати». – Текст : непосредственный // Альманах библиофила. Вып. 26. Тысячелетие русской письменной культуры (988–1988). – М. : Книга, 1989. – С. 65–75.

2. Ефименко, М. Н. «...И Владимир, князь-язычник, сделал выбор – путь Креста...». – Текст : непосредственный // Вестник Оренбургской духовной семинарии, 2015. – Вып. 2 (4). – С. 30–38.

3. Ключевский, В. О. Русская история. Полный курс лекций: в 3 кн. – Минск : Харвест, 2007. – Кн. 1. – 592 с. – Текст : непосредственный.

4. Коллингвуд, Р. Дж. *Идея истории. Автобиография.* – М. : Наука, 1980. – 486 с. – Текст : непосредственный.

5. Кузахметов, Р. К. *Русская Православная Церковь как государствообразующая сила в отечественной истории X – XVII веков.* – Текст : непосредственный // *Вестник Оренбургской духовной семинарии.* – 2015. – Вып. 2(4). – С. 215–228.

6. Митрополит Илларион. *Слово о Законе и Благодати. Древнерусский текст. Перевод Виктора Дерягина.* – Текст : непосредственный // *Альманах библиофила.* Вып. 26. *Тысячелетие русской письменной культуры (988–1988).* – М. : Книга, 1989. – С. 154–226.

7. *Повесть временных лет.* – Текст : непосредственный // *Первые книги Святой Руси.* – М. : Даръ, 2005. – 560 с.

8. *Хрестоматия по истории государства и права России / сост. Ю. П. Тутов.* – М. : Проспект, 2010. – 480 с. – Текст : непосредственный.

D. A. Shcherbakov

***Russian Truth as a historical source
on the degree of rootedness of Christian
views in the legal consciousness
of the population of Kiev Rus***

The article is devoted to the problem of the source-research assessment of Russian Truth as the primary source of knowledge on the issue of the degree of rooted Christian views in the legal consciousness of the inhabitants of Kievan Rus. The author reveals inconsistencies in the content of Russian Truth with the ideals of Christian teaching. An explanation of these contradictions is given. Based on a comparison with other ancient Russian works, it is concluded that Russian Truth shows us a completely reliable, but far from complete picture that characterizes the legal consciousness of the population of Kievan Rus.

Key words: Russian Pravda, Kiev Rus, history, legal consciousness, source, document, Christianity.

Reference:

1. Gorskii, V. *Obraz istorii v «Slove o Zakone i Blagodati» [the Image of history in the «Word about Law and Grace»]* // *Al'manakh bibliofila. Vyp. 26. Tysiacheletie russkoi pis'mennoi kul'tury (988–1988) [Bibliophile's Almanac. Vol. 26. Millennia of Russian written culture (988–1988)].* Moscow, 1989, pp. 65–75.

2. Efimenko, M. N. «...I Vladimir, kniaz'-iazychnik, sdelał vybor – put' Kresta...» [«...and Vladimir, the pagan Prince, made a choice – the way of the Cross...»] // *Vestnik Orenburgskoi dukhovnoi seminarii [Bulletin of the Orenburg Theological Seminary]*, 2015, Issue 2 (4), pp. 30–38.

3. Kliuchevskii, V. O. *Russkaia istoriia. Polnyi kurs lektsii: v 3 kn. [Russian history. Full course of lectures: in 3 books].* Minsk, 2007. – Book 1. – 592 p.

4. Kollingvud, R. Dzh. *Ideia istorii. Autobiografiia [The Idea of history. Autobiography].* – Moscow, 1980. – 486 p.

5. Kuzakhmetov, R. K. *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' kak gosudarstvoobrazuiushchaia sila v otechestvennoi istorii X – XVII vekov [The Russian Orthodox Church as a state-forming force in the national history of the X–XVII centuries]* // *Vestnik Orenburgskoi dukhovnoi seminarii [Bulletin of the Orenburg Theological Seminary]*, 2015, Issue 2(4), pp. 215–228.

6. Mitropolit Illarion. *Slovo o Zakone i Blagodati. Drevnerusskii tekst. Peregod Viktora Deriagina [Metropolitan Hilarion. A word about Law and Grace. Old Russian text. Translated by Viktor Deryagin]* // *Al'manakh bibliofila. Issue 26. Tysiacheletie russkoi pis'mennoi kul'tury (988–1988) bibliophile's Almanac. Vol. 26. Millennia of Russian written culture (988–1988)].* Moscow, 1989, pp. 154–226.

7. *Povest' vremennykh let [The tale of bygone years]* // *Pervye knigi Sviatoi Rusi [First books of Holy Russia].* Moscow, 2005. – 560 p.

8. *Khrestomatiia po istorii gosudarstva i prava Rossii [Textbook on the history of state and law in Russia].* Moscow, 2010. – 480 p.